

УЛЬЯНА СЕРЕСОВА

Социальные факторы электорального процесса в регионах России, или За кого голосуют бедные

Развивающаяся российская политическая регионалистика особое внимание уделяет изучению регионального электорального процесса, поведения избирателей, стратегий кандидатов, результатов выборов и факторов, их определяющих. Нас же интересует лишь один аспект из всего спектра проблем, связанных с электоральным процессом, — социальная ситуация в регионе и возможности ее влияния на исход выборов; или — в другой формулировке — насколько социально-экономическая политика региона влияет на электоральные предпочтения населения. В такой постановке вопрос отнюдь не праздный, поскольку ответ на него позволит корректировать власти свой политический курс с целью получения желаемого результата на выборах. И речь идет не о пресловутом «административном ресурсе», хотя и его нельзя исключать, а о том, как с помощью социальной политики можно влиять на результаты выборов (и можно ли вообще). Иначе говоря, стоит ли вкладывать ресурсы в социальную политику, если устойчивость власти зависит не от нее, а от средств «управляемой демократии»? Такая постановка вопроса в определенной степени крамольна — на фоне лозунгов о построении социального государства, обещающего заботу о всех и каждом. Но вполне правомочна, если анализировать не содержание социальной политики (то есть набор социальных льгот, пособий, выплат, программ и т.д.), а ее политические цели — консолидацию общества (на основе повышения благосостояния всех социальных страт) и — на основе этого — поддержку действующей власти.

Таким образом, нам необходимо последовательно изучить социальное развитие регионов России (как результат социально-экономической политики) и особенности электорального процесса в них. При этом мы сузим поле нашего исследования до Приволжского федерального округа Российской Федерации и ограничимся периодом 1991–2004 гг.

* * *

Дабы определить уровень социального развития регионов ПФО, обратимся к интегральным социальным рейтингам – Рейтингу социально-экономического положения регионов в 2001 г., разработанному для *сайта полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе (ПФО)*¹; Рейтингу социальной сферы *Нижегородского областного комитета государственной статистики*²; Индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП)³; Рейтингу социальной напряженности и социального неблагополучия⁴; Рейтингу инвестиционной привлекательности регионов России, журнала «Эксперт»⁵.

Учитывая результаты всех этих методик, выделим явных лидеров и явных аутсайдеров социального развития – их можно отнести к 1-й (лучшей) и 3-й группе (худшей) соответственно; остальные же регионы включим во 2-ю (среднюю) группу.

1-ю группу составят республики Татарстан и Башкортостан, Самарская, Нижегородская, Пермская области.

3-ю – республики Чувашия, Мордовия, Марий Эл, Коми-Пермяцкий автономный округ.

2-ю – Ульяновская, Оренбургская, Саратовская, Кировская, Пензенская области, Удмуртская республика.

* * *

Теоретической рамкой исследования может послужить многофакторная модель электорального поведения, учитывающая в качестве электоральных факторов социальные размежевания, социально-политическую идентификацию, позиции инкубентов и избирателей по отдельным вопросам, то есть включающей элементы социологической, социально-психологической теорий и теории рационального выбора соответственно. Социологическое направление в объяснении электорального поведения берет свое начало с работы Липсета и Роккана «Партийные системы и размежевание избирателей»⁶, где был сделан вывод о влиянии социально-групповых конфликтов на партийную дифференциацию. С течением времени эта модель показала свою несостоятельность в целостном понимании электорального процесса, однако ее идеи используются в качестве одного из компонентов новых объ-

¹ Рейтинг социально-экономического развития регионов Приволжского федерального округа. <http://www.pfo.ru/main/?id=4972>.

² Зыкова Л.А., Николаева Н.А., Титова В.Ф., Шалашова Т.В. и др. Анализ рейтинговой оценки регионов Приволжского федерального округа. 2000, 2001 гг. // Вопросы статистики. 2003. №3. С. 61–70.

³ Социальный атлас российских регионов. Индекс развития человеческого потенциала. <http://www.socialpolicy.ru/atlas/indexes/index.shtml>.

⁴ Попов Р., Сусаров А. Социальная напряженность и социальное неблагополучие // Регионы России в 1999 г. Ежегодное приложение к «Политическому альманаху России». М.: Гендальф, 2001.

⁵ Рейтинг российских регионов // Эксперт. № 43 (398), 17 ноября 2003.

⁶ Lipset S.M., Rokkan S. Party systems and voter alignments: cross-national perspectives. New York: Free Press; London: Collier-Macmillan, 1967.

яснительных моделей электорального поведения, например, многофакторной модели, а также применяются в эмпирических исследованиях в качестве теоретической рамки анализа.

Результаты применения этой модели к современному российскому материалу двойственны, и единого мнения на этот счет у ученых нет: одни доказывают, что социальные размежевания (которые приводят к социальным проблемам) не являются значимой детерминантой электорального процесса; другие с таким же успехом доказывают обратное; третьи предлагают вообще отказаться от поиска причины и следствия. Да и на практике данный вопрос однозначного ответа не дает: с одной стороны, логичными кажутся объяснения о неуспехе представителей правых в бедных сельских регионах; с другой стороны, очевидно давление административного ресурса во всех регионах, обеспечивающего предсказуемый результат последних думских и президентских выборов.

Ниже в целях попытки обозначить направления анализа в соотношении социального фактора и электорального процесса, под первым будем понимать показатели уровня и качества жизни населения, а под вторым — распределение голосов по оси «правые — левые», хотя понимаем, что и социальная, и политическая палитра гораздо богаче. Представляется, что эти утрирование и схематичность вполне оправданы с точки зрения поиска адекватной методологии для дальнейшего исследования; к тому же в большинстве имеющихся исследований авторы оперируют аналогичными категориями.

В современной литературе есть точка зрения, доказывающая, что социальный фактор не детерминирует результаты выборов. Например, В. Колосов и Р. Туровский утверждают, что такие социально-экономические проблемы, как бедность и безработица не связаны с электоральным поведением избирателей. И доказывают этот тезис статистическим анализом: корреляция такого показателя как отношение среднедушевого дохода к прожиточному минимуму с долей проголосовавших за Б.Ельцина на президентских выборах 1996 г. не является значимой (0,21)⁷. С помощью статистического же анализа авторы доказывают влияние не социального фактора, а урбанизационного: в крупных городах голосуют за демократов, в сельской местности — за коммунистов.

В то же время ряд исследователей признают значимость социального фактора в электоральном процессе. Так, например, Ю. Шевченко упоминает об имеющемся социальном расколе на электоральной карте России: «вероятно, что результаты российских выборов определены в значительной степени именно социально-экономической дифференциацией»⁸.

Любопытный факт: Р. Туровский, описывая уже другой электоральный процесс — выборы в Государственную Думу 1999 года — отмечает положительную корреляционную зависимость между уровнем жизни (который также, как

⁷ Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Электоральная карта современной России: генезис, структура и эволюция. Полис. № 4. 1996. С. 33—47.

⁸ Шевченко Ю.Д. Подводя итоги: результаты российских выборов 1993—1996 гг. // Первый электоральный цикл в России (1993—1996) / Общ. ред.: В.Я. Гельман, Г.В. Голосов, Е.Ю. Мелешкина. М.: Издательство «Весь Мир», 2000. С. 217.

и в предыдущем исследовании выводится через среднедушевые денежные доходы к прожиточному минимуму) и голосованием либерального типа (0,59)⁹. Правда, с оговоркой, что оно привязано к городам и что из исследования намеренно исключены национальные субъекты Российской Федерации.

Б. Овчинников, например, не противопоставляет фактор урбанизации фактору социально-экономического развития региона в их влиянии на результаты выборов, как это обычно делается в политгеографических исследованиях. Более того, он пишет, что «уровень урбанизации и географическое положение ... абсолютно недостаточны»¹⁰ для объяснения электорального процесса; поэтому он сопоставляет результаты голосований с социально-экономическими статистическими показателями. В данном исследовании для «чистоты эксперимента» из анализа исключены национальные республики, автономные округа, автономная область и города федерального значения как регионы -«исключения», смазывающие типическую картину голосования в «типических» русских регионах. Временной же охват — 1991—1996 гг., от одних президентских выборов до других, и попадающие в данный промежуток парламентские выборы.

В результате исследования выделены значимые и незначимые переменные.

Первую группу *значимых* параметров составляют показатели *обеспеченности населения бытовыми удобствами* — водоснабжением, центральным отоплением, канализацией. Чем более благоустроена жизнь людей, тем больше голосов отдается правым.

Вторую группу составляют *миграционные показатели* — прежде всего, доля «новых» переселенцев (живущих в регионе менее двух лет) среди всех переселенцев, которая соответствует либеральному типу голосования.

Третья группа — собственно *показатели уровня жизни населения*: средняя зарплата и среднедушевой доход, прожиточный минимум, доля трудоспособного населения, валовый региональный продукт на душу населения, доля промышленного и сельскохозяйственного производства на душу населения и другие.

Четвертая — *демографические характеристики*: доля трудоспособного населения обуславливает «правое» голосование в регионе, а доля пенсионеров — наоборот, «левое».

К *незначимым* показателям отнесены уровень бедности и безработицы, децильный коэффициент, доля невыплаченных зарплат и пособий, динамика доходов и цен. Также как и Колосов и Туровский, Овчинников признает незначимость бедности и безработицы в электоральном процессе, но оговаривается, что в его исследовании было одно исключение — положительная корреляция между уровнем бедности и голосованием в 1995 г. на выборах в Государственную Думу за крайне левый блок «Коммунисты — Трудовая Россия — За Советский Союз»¹¹.

⁹ Туровский Р.Ф. Региональные аспекты общероссийских выборов / Второй электоральный цикл в России (1999—2000). М.: Весь Мир, 2002. С. 204.

¹⁰ Овчинников Б. Российские регионы: социальные характеристики и электоральное поведение // Взрывной пояс-96: российские регионы и электоральное поведение // ред. К. Мацузато. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 1999. С. 36.

¹¹ Там же. С. 41.

Вся совокупность социально-экономических факторов в данном исследовании обобщена до электорального раскола по линии «модернизация – консерватизм»: то есть ведущей детерминантой электорального процесса признается модернизационный потенциал, который складывается из социальных индикаторов, уровня урбанизации, региональной культуры и проч.

Н. Анохина и Е. Мелешкина говорят о влиянии социального фактора как о спорном вопросе¹². Далее выделяют значимые социальные корреляты – возраст и долю русского населения. В первом случае наблюдается положительная зависимость с голосованием за КПРФ и Зюганова, во втором – за Жириновского. Также Анохина и Мелешкина указывают на то, что значимость социальных расколов больше во время парламентских выборов (13–50% итогов голосований можно объяснить социальным фактором¹³), а не президентских.

Ограниченное влияние социального фактора на исход голосований заключается, таким образом, в выделении значимых и незначимых социальных индикаторов.

Зарубежная политическая наука – преимущественно европейская и американская – в рамках постмодернистской традиции – демонстрирует примеры отказа от самой идеи детерминизма политического процесса (но не отрицает попытки его поиска) и предлагает просто группу факторов, которые могут обуславливать исход выборов при определенных условиях.

Кимитако Мацузато называет попытки объяснить электоральный процесс жестко или социально-экономическим или урбанизационно-индустриальным фактором «материалистическим (марксистским) подходом»¹⁴. Этой материалистической парадигме автор противопоставляет «холистические методы (всесторонность и целостность; отсутствие стремления к доказыванию односторонней причинной связи)»¹⁵. Приводит в качестве примера американскую т.н. школу «критических выборов», объясняющих изменения партийной системы комбинацией социально-экономических, субкультурных факторов, а также стратегий политической элиты. Так, выборы 1898 года были обусловлены социально-экономическими факторами – возникновением северо-восточных индустриальных урбанизированных районов; результаты выборов 1932 года объяснялись политической стратегией Рузвельта; а выборы 1980 года – как политическим поведением Рейгана, так и перестройкой в экономике США, в которой особые успехи достигли южные штаты, специализирующиеся на информационных технологиях¹⁶. Аналогичным образом интерпретируются региональные различия на выборах политических

¹² Анохина Н., Мелешкина Ю. Итоги голосования и электоральное поведение // Второй электоральный цикл в России (1999–2000) / Общ. ред.: В.Я. Гельман, Г.В. Голосов, Е.Ю. Мелешкина. М.: Издательство «Весь Мир», 2002. С.159.

¹³ Анохина Н., Мелешкина Ю. Итоги голосования и электоральное поведение // Второй электоральный цикл в России (1999–2000). М.: Издательство «Весь Мир», 2002. С. 177.

¹⁴ Мацузато К. Электоральная география в России – белый, красный, серый и взрывной пояса // Взрывной пояс-96. Российские регионы и электоральное поведение. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 1999. С. 10.

¹⁵ Там же. С. 9.

¹⁶ Там же. С. 9–10.

партий в Германии 19–20 веков – выделяются три взаимозависимых фактора: региональная политическая и социокультурная среда, стратегии политических элит и политические механизмы¹⁷.

Мацузато, рефлексируя материалистические представления российских политологов и географов об электоральном процессе и критикуя их идеи жесткого детерминизма, тем не менее, не находит «возможности применить холистические методы... главным образом из-за краткости истории российской конкурентной партийной системы»¹⁸.

Анализ работ по интересующей нас тематике позволяет обозначить следующие исследовательские парадигмы в отношении данной проблемы:

1. выявление социальных факторов, детерминирующих электоральный процесс:
 - а) прямое влияние социальной ситуации на исход выборов,
 - б) ограниченное влияние социальной ситуации на исход выборов,
 - в) отсутствие влияния социальной ситуации на исход выборов;
2. отсутствие стремления выявить жесткую причинно-следственную связь между социальным фактором и исходом выборов.

Далее мы будем использовать элементы обоих подходов. Иными словами, мы будем использовать корреляционный анализ для выявления общих трендов влияния социального развития региона на результаты электорального процесса и качественный анализ (case-study) для изучения тех ситуаций, когда социальный фактор оказывается незначимым, а также обозначения более значимых факторов в отдельно взятых случаях. Кроме того, мы вынуждены не противопоставлять, а совмещать оба подхода еще и в силу ограниченности каждого. Корреляционный анализ ограничен в нашем случае малым объемом выборки, что понижает его достоверность, а качественный – вынужденным индуктивным подходом.

* * *

Информационную базу нашего исследования составят федеральные и региональные выборы 1991–2004 гг. в субъектах Приволжского федерального округа¹⁹.

При статистическом анализе взаимосвязи результатов выборов и социальных факторов в качестве независимой переменной выступали социальные факторы, а в качестве зависимой – голоса, отданные за ту или иную политическую силу на федеральных выборах; а объем выборки соответствовал субъектам Приволжского федерального округа. В данном исследовании под социальными факторами понимаются традиционные показатели среднедушевых доходов и доли городского населения, дающие в сумме представление об электоральном расколе по линии «модернизации – традиционного уклада жизни»; частные же показатели, например, уровень бедности и безработицы, намеренно исключены, поскольку корреляция результатов выборов с ними чаще всего несущественна. Кроме того, включены интегральные индексы социального развития.

Основные выводы можно суммировать следующим образом:

¹⁷ Там же. С. 10.

¹⁸ Там же. С. 11.

¹⁹ Использована официально опубликованная электоральная и социальная статистика.

подтверждается общий тезис о том, что население с большим достатком, проживающее в городах, придерживается либерального типа голосования (особенно яркий пример — зависимость дохода и городского населения при голосовании за «Выбор России» в 1993 г. и за СПС в 1999 г.), в то время как люди с меньшим достатком в сельской местности ориентированы на консервативное голосование (важность дохода при определении результатов референдума о сохранении СССР 1991 г. или голосовании за КПРФ 1999 г.); таким образом, идея модернизационного раскола адекватна и для ПФО;

влияние социальных факторов ограничено, о чем свидетельствуют низкие коэффициенты корреляции; тем не менее интегральные индексы социального развития свидетельствуют об обусловленности влияния общего состояния социальной сферы на электоральный процесс;

с течением времени — от первых учредительных выборов 1993 г. к последним в 2003—2004 гг. — уменьшается зависимость результатов выборов от социальных индикаторов (и среднедушевой доход, и доля городского населения не являются значимыми при голосовании 2003—2004 гг.);

голосование за «партию власти» (НДР в 1995 г., «Единство» и ОВР в 1999 г., «Единую Россию» в 2003 г.) не обусловлено социальными факторами.

Различия можно отслеживать также и в хронологическом порядке, группируя регионы по ряду признаков.

* * *

Референдум о сохранении СССР и выборы Президента РФ 1991 г. заложили контуры электоральных расколов на географической карте России.

Среди субъектов Российской Федерации, позднее объединенных в ПФО, выделились три региона, где процент голосов за сохранение СССР был меньше среднероссийского показателя, — Пермская, Нижегородская, Самарская области. На другом полюсе — Татарстан, КПАО, Башкирия, Чувашия, где уровень голосов превышал среднероссийский на 11—16%. Таким образом, можно с некоторой долей условности первый вариант голосования назвать реформистским, а второй — консервативным.

Кроме социальных факторов, которые оказались не первостепенно важными, исход выборов определял фактор национальной конъюнктуры.

Все национальные республики Поволжья показали более консервативный вариант голосования, чем русские области: они в большей степени высказались за сохранение СССР, но за введение поста Президента России — гораздо меньше, поскольку это противоречило идее суверенизации. Причем «экономически развитые» республики — Татарстан и Башкортостан — позволили себе открыто высказаться о неприятии второго вопроса²⁰; в то время как дотационные, зависимые регионы просто показали результат ниже среднероссийского. В Татарстане, кроме того, президентские выборы были

²⁰ За введение поста президента России в Башкирии проголосовало 54%, в то время как среднероссийский показатель — 69,9%; в Татарстане, наряду с Северной Осетией, Чечней и Ингушетией этот вопрос на референдуме так и не был поднят.

сорваны (явка – 36,7% избирателей), а в Башкирии был показан результат, существенно ниже общероссийского (45,9% голосов за Ельцина).

По оценкам экспертов, результаты выборного процесса 1991 г. «объяснимы только с учетом общего совпадения тактических интересов М. Горбачева и элиты бывших автономий России»²¹.

Электоральный процесс к 1993 г. претерпел ряд существенных изменений, главным из которых стало «покраснение» реформистских в 1991 г. регионов и появление «красного пояса», где число противников Ельцина – по результатам апрельского референдума о доверии политическому курсу Ельцина – превышало число его сторонников. Декабрьский референдум о принятии новой Конституции РФ и выборы в Государственную Думу укрепили электоральную структуру России. В то же время, парламентские выборы дали возможность выплеснуть протест населения против неудачных социальных последствий реформ: во всех регионах ПФО, кроме Татарстана, Башкирии и Пермской области на 1-е место вышла ЛДПР, олицетворявшая собой протест как против ельцинской политики, так и против коммунистического прошлого.

По итогам апрельского референдума о доверии Б. Ельцину ряд регионов Поволжья показал более «правые» результаты (более 58% голосов), чем вся Россия в целом – Самарская, Нижегородская, Пермская области – голосовавшие в 1991 г за Ельцина и против сохранения СССР – сохранили либеральную модель электорального поведения. В то же время, к декабрю жители Нижегородской и Самарской областей фактически отказались от поддержки президента Ельцина, отдав предпочтение ЛДПР на выборах в Думу; Пермская область же – единственная в округе – вывела на 1-е место «Выбор России». Причем протест в Нижегородской и Самарской областях носил «взрывной характер»²²: во-первых, очевидно противоречие между протестным голосованием на федеральных выборах и реформистской региональной элитой (Немцов и Титов); во-вторых, минимальный разрыв при голосовании за противоположные политические силы (разница в 1-6% при голосовании за «Выбор России», КПРФ, ЛДПР).

Неустойчивый характер голосования был в Удмуртии – разница между голосами за ЛДПР и «Выбор России» составляла всего 1%, причем и сама ситуация в регионе была крайне неустойчива: Верховный Совет осенью 1993 г. откладывает президентские выборы на неопределенный срок, а Председатель Правительства А. Волков открыто придерживался антиельцинской позиции.

Национальные республики с низким уровнем жизни – Чувашия, Марий Эл, Мордовия, – а также Пензенская и Ульяновская области вошли в «красный пояс» с результатами поддержки Ельцина в 36–48%. К ним тяготела Оренбургская область с результатом доверия Ельцину в 50% и поддержки социально-политического курса в 48%.

²¹ Егоров И. Удмуртская Республика. Регионы России: хроника и руководители / Под ред. К. Мацузато. Т. 7: Республика Татарстан, Республика Мордовия, Удмуртская республика. Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2000. С. 294.

²² См.: Мацузато К. Электоральная география в России – белый, красный, серый и взрывной пояса // Взрывной пояс-96. Российские регионы и электоральное поведение. Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, 1999.

Остальные регионы не уклонились от общероссийского тренда, за исключением Татарстана и Башкортостана.

В Татарстане, в принципе, в 1993 г. участие населения в общефедеральном электоральном процессе ставили в зависимость от признания Москвой достижений суверенитета Казанью: «В линии поведения Казани все чаще стала обозначаться тенденция достаточно эффективного использования инструментов давления на Москву. Участие Татарстана в общероссийском электоральном (шире — политическом) процессе увязывалось, явно или подспудно, с уступками Центра в переговорном процессе»²³. И тенденция эта только усиливалась: от апреля, когда проводился референдум, к декабрю с парламентскими выборами и голосованием по Конституции.

В Татарстане референдум был провален: явка составила 22%, но из них 66% (что даже больше общероссийского показателя в 58%) высказались за доверие Ельцину. Поводом срыва общероссийского референдума стали попытки срыва федеральной властью референдума о суверенитете Татарстана в 1992 г., причина же — иллюстрация «легитимности» суверенной власти: при формальном обеспечении права граждан на волеизъявление — отсутствие желания у граждан реализовывать это право.

Аналогичным образом был сорван и референдум о введении Конституции РФ, и выборы в Государственную Думу. У руководства Татарстана были претензии к тексту Основного Закона, поскольку он не предполагал официального конституционного закрепления особого статуса Татарстана. В результате 12 декабря 1993 г. явка в целом по региону составила 23% избирателей, а в ряде сельских избирательных округов с преобладанием татарского населения не достигла и 1%²⁴.

Тем не менее, те, кто пришел на избирательные участки, поддержали преимущественно избирательные блоки правого толка: на 1-е место вышел «Выбор России» (22,4%), а ЯБЛоко получило 11,5% — среди регионов Приволжья 2-е место после Нижегородской области.

В Башкирии — в отличие от Татарстана — как и в 1991 г. — выборы и референдум о Конституции сорваны не были, однако их результаты были также увязаны с процессом суверенизации республики и свидетельствовали о конфронтации — менее жесткой, чем в Татарстане — региональной власти с федеральной властью.

Так, за доверие Ельцину в апреле проголосовало 39,6%, в поддержку его политического курса высказалось 35,9% населения республики. При этом в республике проводилось голосование по пятому, дополнительному, вопросу — о самостоятельности республики, — на который утвердительно ответили 75% избирателей²⁵.

²³ Мухарямов Н. Регионы России: хроника и руководители / Под ред. К. Мацузато. Т. 7: Республика Татарстан, Республика Мордовия, Удмуртская республика. Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2000. С. 55.

²⁴ Мухарямов Н. Регионы России: хроника и руководители / Под ред. К. Мацузато. Т. 7: Республика Татарстан, Республика Мордовия, Удмуртская республика. Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2000. С. 58.

²⁵ Габдрафиков И., Еникеев А. Республика Башкортостан / Регионы России: Хроника и руководители / Под ред. К. Мацузато. Т.8: Республика Марий Эл, Чувашская Республика, Республика Башкортостан. — Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2003. С. 225.

Декабрьский референдум о принятии Конституции России так же, как и в соседнем Татарстане, вызвал негативную реакцию у региональной элиты, усмотревшей в ней угрозу возвращения статуса автономий национальным республикам. За Конституцию РФ в Башкирии высказались 53% горожан и 27% сельчан. На выборах же в Государственную Думу по общефедеральным спискам на 1-е место вышла Аграрная партия России (более 20% голосов), «находящаяся под патронажем руководства РБ». 2-е место заняла КПРФ (15%). Демократические же блоки выступили скромно: у ЯБЛока 3,8% голосов, у «Выбора России» – 8,5%.

Результаты первых парламентских выборов можно суммировать в таблицу, где по вертикали будет уровень социального развития региона (на основе данных, полученных в п. 2.1.), а по горизонтали – тип голосования.

<i>Уровень социального развития</i>	<i>Управляемое голосование (зависимость исхода выборов от позиции региональной власти)</i>	<i>Протестное голосование (ЛДПР, КПРФ)</i>	<i>Взрывное голосование (маленький разрыв между различными политическими силами и разрыв между федеральным уровнем голосованием и реформистской региональной элитой)</i>	<i>«белый пояс», либеральное голосование (поддержка правых и центристских сил)</i>	<i>Неустойчивое голосование (маленький разрыв между различными политическими силами, слабая региональная элита)</i>
1	Татарстан, Башкортостан		Самарская, Нижегородская области	Пермская область	
2		Кировская область, Пензенская, Ульяновская, Оренбургская, Саратовская области			Удмуртия
3		Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Чувашская республика, Коми-Пермяцкий АО			

Анализ таблицы позволяет восполнить пробелы корреляционного анализа показателей социального развития и результатов выборов, который свидетельствует лишь о слабой связи между переменными. Можно сделать следующие выводы:

1. В регионах, отнесенных к социально развитым, в 1993 г. было зафиксировано три типа голосования – управляемый, взрывной, либеральный; но не было протестного.
2. В группе среднеразвитых регионах не было управляемого, взрывного и либерального голосования, только протестное и неустойчивое;

3. Социально неразвитые регионы показали только протестное голосование, что обусловлено *в данном случае* не в последнюю очередь именно уровнем социального развития.
4. Иначе говоря: управляемое голосование могло быть только в развитых регионах (как можно в бедном регионе голосовать за власть?), равно как и взрывное (сильная элита не могла быть в менее развитых регионах), и либеральное (необходимая база – социально-экономическое развитие + политическая ориентация региональной элиты); неустойчивое голосование могло быть только в среднеразвитых регионах, поскольку полюсы социально-экономического развития обеспечили бы и полярность голосования.

* * *

1995 год – год, когда протестное голосование на выборах в Государственную Думу проявилось двояко: «северный» протест был выражен в предпочтении ЛДПР (Пермская и Кировская области, Марий Эл), «южный» протест – в поддержке КПРФ (остальные регионы, кроме Татарстана).

Татарстан и Башкортостан демонстрировали эволюцию взаимоотношений суверенного региона с суверенным центром, поэтому электоральный процесс развивался схожим образом, хотя результаты его и различались.

Переход от напряженности в отношениях Центра и регионов к сотрудничеству – на основе признания их суверенитета – отразился и на характере участия Татарстана и Башкортостана в общефедеральном электоральном процессе. На следующих же выборах в Государственную Думу РФ и явка населения на избирательные участки, и результаты голосования существенно отличались от голосований 1993 и 1991 гг.

Более того, уже в 1994 г. в Татарстане были проведены повторные выборы в Федеральное Собрание, и места от региона и в Госдуме, и в Совете Федерации оказались заполнены.

Выборы 1995 г. вывели на 1-е место в Татарстане «НДР», «партию власти». В Башкортостане 1-е место заняла КПРФ (22,5%), хотя региональное руководство и поддерживало создание движения НДР²⁶, которое получило 3-е место в регионе с 15,3% голосов, 2-е место – у АПР (15,4%).

Отдельного рассмотрения в связи с появлением на политической арене «партии власти» – блока «Наш дом – Россия» заслуживает Республика Мордовия, где выборы были обусловлены не только социально-экономическим фактором, но и политико-управленческим. Незадолго до декабря Конституционным собранием Мордовии был избран президент республики, Н. Меркушкин, который, ориентируясь на «партию власти» начал активно предпринимать попытки по выводу республики из «красного пояса». В 1995 г. они не вполне увенчались успехом, но положили начало управляемой демократии в регионе: НДР занял 2-е место с 20,19% голосов, на 1-е место вышла КПРФ с 23%, а ЛДПР, лидер прошлых выборов, отстал от проправительственного НДР всего на 0,05%.

²⁶ Габдрафиков И., Еникеев А. Республика Башкортостан / Регионы России: Хроника и руководители / Под ред. К. Мацузато. Т. 8: Республика Марий Эл, Чувашская Республика, Республика Башкортостан. Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2003. С. 234.

Президентские выборы 1996 г. завершили первый электоральный цикл и окончательно утвердили невозможность возврата КПРФ к власти. «Цена» победы иллюстрируется электоральной статистикой: неслучайно именно на основе анализа президентских выборов была выделена категория управляемых регионов²⁷.

К управляемым регионам ПФО можно отнести большую часть национальных республик. В Башкирии, единственном регионе ПФО, в 1-м туре выборов победил Зюганов, во втором Ельцин набрал 51% «благодаря усилиям республиканской власти»²⁸. В Татарстане по результатам 1-го тура Ельцин в регионе обходил Зюганова лишь на 0,14% (38,32% и 38,08% соответственно), 2-й же тур обозначил разрыв между кандидатами в два раза: за Ельцина проголосовало 61,4%, а за Зюганова – 32,3%. Причем, заметно существенное различие в голосовании в Казани и в сельских районах: в городе прирост голосов за Ельцина был примерно на 25%, на селе же – на 100% и более.

Очевидно, что такие результаты обусловлены не только «коммунистической угрозой», но и использованным управленческим ресурсом. Аккуратно подобранный эвфемизм заключает: «...для Татарстана характерны свои политические технологии, эффективность которых зависит не от артикулированных ориентаций, а от организационного насыщения»²⁹.

В Мордовии президентские выборы стали второй попыткой региональной власти вывести регион из числа неблагонадежных «красных» субъектов Российской Федерации. Перед президентскими выборами «с населением рассчитались по прежним долгам, пенсионерам выдали пенсию, для молодежи организовали ряд крупных развлекательных мероприятий»³⁰. Иными словами, были предприняты экстренные меры социально-политического характера по решению острых социальных проблем, дабы население ассоциировало новую региональную власть с адекватным субъектом, способным отвечать нуждам людей.

Однако, задачи предприятия были достигнуты не в полной мере. Первый тур выборов показал обратный результат – за Ельцина проголосовало 24%, за Зюганова 49%. После чего в местной прессе появились статьи следующего содержания: «...Правительство Н. Меркушкина и В. Волкова, Госсобрание под руководством В. Кечкина в последние полтора года сделали все возможное и невозможное для того, чтобы вернуть республику в ряд *цивилизованных* (курсив мой. – У.С.) регионов... Москва повернулась к нам и протянула руку помощи...»³¹. Таким образом, очень ярко иллюстрируется логичес-

²⁷ См.: Политический альманах России 1997. Под ред. М. Макфола и Н. Петрова. М.: Моск. Центр Карнеги, т. 1.: Выборы и политическое развитие.

²⁸ Габдрафиков И., Еникеев А. Республика Башкортостан / Регионы России: Хроника и руководители / Под ред. К. Мацузато. Т. 8: Республика Марий Эл, Чувашская Республика, Республика Башкортостан. Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2003. С. 234.

²⁹ Мухарямов Н.М. Указ. соч. С. 81.

³⁰ Полутин С. Регионы России: хроника и руководители / Под ред. К. Мацузато. Т. 7: Республика Татарстан, Республика Мордовия, Удмуртская республика. Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2000. С. 183.

³¹ Известия Мордовии. №110. 1996. 18 июля / Цит. по: Полутин С. Регионы России: хроника и руководители / Под ред. К. Мацузато. Т. 7: Республика Татарстан, Республика Мордовия, Удмуртская республика. Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2000. С. 183.

кая схема об обмене доверия к власти на соответствие этой власти социальным ожиданиям населения; и журналисты выявляют «кажущееся» несоответствие в ней. Однако, на наш взгляд, на тот момент еще недостаточны были усилия и региональной, и федеральной власти по решению социальных проблем населения в виде социальной политики и сама власть в регионе была еще не столь крепка, чтобы обеспечить в стиле «управляемой демократии» желаемый результат. Результаты второго тура голосования были более адекватны политическим целям региональной элиты: за Зюганова проголосовало 48% явившихся, за Ельцина 46%. Аналитики не склонны прямо озвучивать способы достижения цели: «относительное выравнивание после 16 июня показателей Б. Ельцина и Г. Зюганова стало результатом титанических усилий властей республики всех уровней. Чего это стоило местной элите, остается только догадываться»³². Таким образом, можно заключить, что и вторая попытка Н. Меркушкина по приданию «цивилизованного» фасада республике оказалась неудачной.

Коми-Пермяцкий автономный округ уже в первом туре голосования продемонстрировал ярко выраженный проельцинский вариант: соотношение голосов за Ельцина и Зюганова было 53:23 — что с учетом уровня политического развития региона говорит лишь о его управляемости.

Нижегородская и Самарская области также как и ранее демонстрировали взрывное голосование — разница между голосами за Ельцина и Зюганова в 1-м туре была 1-2% (губернаторы-реформаторы в регионах тем временем только укрепляли свои позиции: в 1995 Немцов, а в 1996 Титов подтвердили выборами легитимность своего лидерства). Во 2-м туре Ельцин в обеих областях набрал 51%.

Саратовская, Ульяновская, Оренбургская, Пензенская области, Республики Марий Эл, Мордовия и Чувашия в обоих турах голосования подтвердили свою принадлежность к «красному поясу». Саратовскую область, тем не менее, можно отнести к «красному поясу» с изрядной долей условности, поскольку разрыв во 2-м туре голосов между Ельциным и Зюгановым был сведен к минимально возможному 5%, кроме того центристски настроенный губернатор Д. Аяцков стоял на проельцинских позициях³³.

Кировская область³⁴, а также Удмуртия, отличающиеся одновременно политической инертностью и непредсказуемостью³⁵, проголосовали за Ельцина, хо-

³² Полутин С. Регионы России: хроника и руководители / Под ред. К. Мацузато. Т. 7: Республика Татарстан, Республика Мордовия, Удмуртская республика. Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2000. С. 184.

³³ К. Мацузато относит Саратовскую область в период 1996–1997 гг. к «взрывному поясу», где сильная администрация и сильная оппозиция. — см.: Мацузато К. Электоральная география в России — белый, красный, серый и взрывной пояса // Взрывной пояс-96. Российские регионы и электоральное поведение. Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, 1999.

³⁴ В терминологии Мацузато «серый пояс» — слабая администрация и слабая оппозиция. См.: Мацузато К. Электоральная география в России — белый, красный, серый и взрывной пояса // Взрывной пояс-96. Российские регионы и электоральное поведение. Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, 1999.

³⁵ В Кировской области в 1996 г. на губернаторских выборах назначенный Глава администрации Десятников неожиданно проиграл поддерживаемому одновременно НПСР, КРО и ДПР депутату ГД В. Сергеенкову. В Удмуртии Председатель Госсовета А. Волков, всегда кри-

ты разница голосов за Ельцина и Зюганова в 1-м туре была невелика. Здесь также, как и в Самарской и Нижегородской областях, наблюдается протестное голосование на парламентских выборах и центристское на президентских.

Пермская область, как и ранее³⁶, продемонстрировала либеральный тип голосования – уже в 1-м туре разница голосов за Ельцина и Зюганова была около 40%.

Результаты выборов 1995–1996 гг. сведем в таблицу – по аналогии с 1993 г.:

<i>Уровень социального развития</i>	<i>Управляемое</i>	<i>Протестное (ЛДПР, КПРФ на парламентских выборах, президентские выборы – Зюганов)</i>	<i>Взрывное (ГД – протестное, регион – партия власти)</i>	<i>«белый пояс»</i>	<i>Неустойчивое (слабая региональная власть, протестное парламентское голосование, президентское – за Ельцина)</i>
1	Татарстан, Башкортостан		Самарская, Нижегородская области	Пермская область	
2		Пензенская, Ульяновская, Оренбургская, Саратовская области			Удмуртия, Кировская область
3	Мордовия, Коми-Пермяцкий АО	Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Чувашская республика			

1. Социально развитые регионы также продемонстрировали такие же типы голосования, как и в начале электорального цикла, – управляемое, взрывное, либеральное;
2. Среднеразвитые регионы также продемонстрировали только протестное и неустойчивое голосование, но теперь уже в группу неустойчивых вошли два региона (вместо одного);
3. В группе социально неразвитых регионов было зафиксировано как протестное голосование, так и управляемое;
4. К концу электорального цикла заметна тенденция к повышению управляемости электорального процесса и неустойчивости результатов выборов.

тиковавший Ельцина, высказал ему официальную поддержку, что повело за собой раскол в отношениях с местными удмуртскими коммунистами.

³⁶ За исключением выборов в Государственную Думу в 1995 г., когда в регионе 1-е место заняла ЛДПР.

* * *

Лидерами парламентских выборов 1999 г. стали КПРФ, и две партии власти: федеральная «Единство» и региональная «ОВР».

1999-й был последним годом, когда на электоральной карте Приволжья присутствовал «красный пояс».

В управляемых регионах – Мордовии, Татарстане, Башкирии – с сильной администрацией, противостоящей Москве, – на 1-е место вышел блок «Отечество – вся Россия», региональная «партия власти». Заметно, что ОВР в 1999 г. поддержали те регионы, где в начале-середине 1990-х активно велась борьба за суверенитет.

Федеральная «партия власти», «Единство», стало лидером в реформистской Пермской области, а также в регионах со слабой региональной элитой или элитой, ориентированной на федеральный центр, – Удмуртии, Кировской области, Коми-Пермяцком АО. К ним добавилась Пензенская область, где «Единство» обгоняло КПРФ лишь на 0,5%. Здесь региональная элита также всеми силами старалась вырвать регион из «красного пояса».

«Взрывные» регионы – Самарская и Нижегородская области – отдали предпочтение коммунистам, как и четыре года назад, хотя опять же, как и раньше, разрыв между голосами КПРФ и «Единства» мал и составляет 5%.

О расколе в обществе можно говорить и в Саратовской, Ульяновской, Оренбургской областях: центристское голосование (суммированные голоса ОВР и «Единства») почти соответствует коммунистическому голосованию – с разницей в +/- 1–2%.

С 1999 г. можно говорить об успехе «партии власти»: два региона «красного пояса» вышли из него (Мордовия, Пензенская область), в остальных «красных» регионах она вышла на 2-е место.

Технологии «управляемой демократии», активно использованные на президентских выборах, обеспечили необходимый результат – во всех регионах ПФО победил В. Путин.

Однако, по разнице голосов за Путина и Зюганова можно говорить о ряде различий между регионами.

Во-первых, отчетливо видны «остатки» «красного пояса» – Чувашия, Марий Эл, Оренбургская область, – где разница голосов между претендентами была минимальна – 2–4%.

Во-вторых, большая разница голосов в 30–50% свидетельствует об особой управляемости региона (особенно, если до этих выборов регион голосовал консервативно) – к традиционно управляемым Башкортостану, Татарстану, Мордовии и Коми-Пермяцкому АО добавляется Саратовская область. В то же время к этой группе будут относиться регионы, проголосовавшие в 1999 г. за «Единство» – Кировская область, Удмуртия, Пермская область.

«Взрывные» ранее Нижегородская, Самарская области, а также Пензенская, титаническими усилиями, видимо, выведенная из «красного пояса» в 1999 г., и Ульяновская область показали средний разрыв между голосами за Путина и Зюганова – 10–20%.

Уровень социального развития	Управляемое (ОВР – сильная региональная партия власти, большой разрыв голосов за Путина и Зюганова)	Протестное (КПРФ, маленький разрыв между Путиным и Зюгановым)	Взрывное (ГД-баланс между КПРФ и центром средний, разрыв между Путиным и Зюгановым средний или большой, сильная региональная власть)	«белый пояс» (Единая Россия + большой разрыв между Путиным и Зюгановым)	«серый пояс», неустойчивый (сильная фед. партия власти, слабая регион. власть, большой или средний разрыв в голосовании за Путина и Зюганова)
1	Татарстан, Башкортостан		Самарская, Нижегородская области	Пермская область	
2		Оренбургская, Ульяновская области	Саратовская область		Удмуртия, Кировская, Пензенская области
3	Республика Мордовия	Республика Марий Эл, Чувашская республика,			Коми-Пермяцкий АО

1. Во втором электоральном цикле произошло размывание типов голосования вне зависимости от уровня социального развития регионов;
2. Ресурсы «управляемой демократии» резко понизили число протестных регионов: в 1993 г. их было 9, в 1995–1996 гг. – 6, в 1999–2000 гг. – 4.
3. Наиболее существенные изменения коснулись группы среднеразвитых регионов: Саратовская область переместилась примкнула к «взрывным регионам», Кировская и Пензенская области – к «серым», неустойчивым.

* * *

Парламентские выборы 2003 г. утвердили триумф «партии власти» – «Единой России», включившей в себя федеральную («Единство») и региональную («ОВР») партии власти образца 1999 г. Президентские выборы обеспечили победу В. Путина.

Поскольку ни парламентские, ни президентские выборы не дают возможности анализировать региональные отличия с точки зрения лидеров, то наиболее информативным будет анализ по двум направлениям: 1) различий голосов за Единую Россию и КПРФ, и блоков, занявших вторые места в регионах; 2) отклонений количества голосов за В. Путина в регионе от среднероссийского показателя (71,22%).

Второе место в регионах ПФО на выборах в Госдуму заняла или КПРФ или ЛДПР. Последняя партия была на вторых местах в Пермской области, Коми-Пермяцком АО, Кировской области и Удмуртии³⁷ – регионах, где ЛДПР побеждала в 1995, а Единство в 1999 г.

³⁷ В Удмуртии в 1995 г. на парламентских выборах победила КПРФ.

В остальных регионах на втором месте КПРФ. Но даже такие размытые результаты еще позволяют отследить тенденции прошлых голосований.

Анализируя же разницу голосов между Единой Россией и КПРФ можно составить таблицу:

Уровень социального развития	Разница голосов за «Единую Россию» и КПРФ		
	0–23%	24–46%	47–69%
1	Самарская, Нижегородская, Пермская	Башкортостан	Татарстан
2	Оренбургская, Ульяновская, Кировская	Саратовская, Пензенская, Удмуртия	
3	Чувашия, Марий Эл	Коми-Пермяцкий АО	Мордовия

В верхнем левом углу таблицы (с разрывом в голосах между Единой Россией и КПРФ) оказались реформаторские в 1991 г, а затем «взрывные» Самарская и Нижегородская области. Пермская область примкнула к ним из-за существенной поддержки СПС (единственный Регион в ПФО, где партия преодолела 5%-й барьер) и ЛДПР.

В то же время просматривается бывший «красный пояс» — средне- и низкоразвитые регионы с маленькой разницей между голосами за Единую Россию и КПРФ — Оренбургская, Ульяновская области, Чувашия и Марий Эл.

Регионы, которые ранее назывались управляемыми, показали очень высокий разрыв в голосах (47–69%) — Татарстан и Мордовия. К ним примыкают Башкирия и Коми-Пермяцкий АО, ранее отнесенные также к этой группе.

Что касается президентских выборов, то и здесь эта группа регионов ярко выделяется: если проранжировать регионы ПФО по проценту голосов за В. Путина, то первые четыре будут занимать Башкортостан (91,79%), Мордовия (91,35%), Татарстан (82,6%), Коми-Пермяцкий АО (80,55%).

На другом полюсе — с самым маленьким в ПФО процентом голосов за Путина — будет Оренбургская область (58,79%; отклонение от среднероссийского показателя составляет 12,4%), входившая в «красный пояс».

В остальных же регионах отклонение от среднероссийского голосования не столь существенно. В то же время, если все регионы ПФО делить на две

Уровень социального развития	% голосов за Путина	
	меньше общероссийского	больше общероссийского
1	Самарская, Нижегородская области	Пермская область, Татарстан, Башкортостан
2	Ульяновская, Оренбургская, Пензенская, Кировская, Саратовская области	Удмуртия
3	Чувашия, Марий Эл	Коми-Пермяцкий АО, Мордовия

части по количеству голосов за Путина, то первую, где этот показатель меньше общероссийского, составят бывшие регионы красного и взрывного поясов; вторую же часть – с голосами больше, чем по России, – образуют Пермская область (реформистский тип голосования), Удмуртия (ранее неустойчивый с ориентацией на реформы) и четыре вышеназванных национальных региона, отнесенных к управляемым.

* * *

Можно подвести следующие итоги:

1. Влияние социальных индикаторов на электоральный процесс наблюдается, но оно слабое; его можно обобщить до уровня «*модернизация – традиционализм*»;
2. В большей степени влияет *общее* состояние социальной сферы (выражаемое в интегральных социальных индикаторах), чем ее отдельные компоненты (бедность, безработица, и проч.);
3. От первого к третьему электоральному циклу наблюдается *размывание типов голосования*: уменьшается количество социально неблагополучных и среднеразвитых регионов с протестным голосованием; а затем сходит на нет вообще; *увеличивается управляемость выборов* – в неблагополучных регионах в первую очередь; появляется и исчезает «серое», неустойчивое голосование в среднеразвитых регионах;
4. Во 2-м электоральном цикле формируется, а в 3-м укрепляется унифицированный тип *голосования за «партию власти»*, хотя особенности в региональном голосовании различимы только с учетом прошлого опыта региона;
5. *Социально развитые* регионы начинают свое политическое развитие в 1991 г. с реформистского или управляемого типа голосования, часть проходит в 1993–99 гг. фазу взрывного голосования, в 2003–04 гг. везде утверждается голосование по типу «управляемой демократии»;
6. *Среднеразвитые* регионы эволюционируют от протестного голосования через неустойчивое к управляемому;
7. *Неблагополучные* регионы развиваются от протестного к управляемому голосованию;
8. Но даже управляемое голосование 2003–2004 гг. демонстрирует *остатки* «красного» и «взрывного» поясов.

В заключении мы можем ответить на поставленный в начале статьи вопрос – влияет ли социальная политика (через уровень социального развития) на результаты выборов. Да, влияет; но *влияние это имеет ограниченную силу*. Тем не менее, совершенно пренебрегать социальными программами власти нельзя, ибо только административный ресурс – без других факторов (и фактора социального благополучия в том числе) – *не может обеспечить желаемый результат выборов*.